

Глава 1

Три года тому назад
Автотрасса М1 на север

Сначала он заметил наклейки вокруг заднего стекла и вдоль бампера:

Жми на клаксон, если невмоготу.

Не едь за мной, я заблудился.

Если водишь, как я, лучше молись.

Сигнал сломан, следи за рукой.

Настоящие мужики любят Иисуса.

Весьма противоречивые послания. Тем не менее они определенно говорили об одном: водитель — придурок. Гейб был готов побиться об заклад, что тот носит футболки с рекламными слоганами, а на работе над его столом висит плакат с изображением обезьяны, обхватившей лапами собственную голову, и с надписью пониже: «*Необязательно быть сумасшедшим, чтобы тут работать, но это здорово помогает*».

Он не понимал, как водитель вообще может хоть что-то видеть сквозь заднее стекло. С другой стороны, другим водителям было что почитать, стоя в пробке. Вроде той, в которой они сейчас застряли. Длинная вереница машин медленно ползла, пробираясь между участками, где велись дорожные работы. Казалось, эта пробка образовалась тут еще в прошлом столетии и не рассосется до следующего тысячелетия.

Гейб вздохнул и нервно забарабанил пальцами по рулевому колесу, как будто это могло как-то ускорить движение транспорта или призвать некую машину времени. Он уже почти опаздывал. Еще не опоздал. Не окончательно. Еще оставалась призрачная надежда успеть домой вовремя. Но верилось в это слабо. На самом деле он разуверился уже где-то на перекрестке 19, как и все остальные водители, слыш-

ком опытные, чтобы попытаться счастья, используя спутниковые навигаторы и хитросплетение второстепенных дорог.

Еще больше расстраивало то, что сегодня ему удалось уйти вовремя. Он должен был свободно добраться домой к восемнадцати тридцати, успев и к ужину, и к тому времени, когда нужно укладывать Иззи спать. Он ведь обещал Дженни — *обещал*, — что именно он сегодня уложит дочь.

— Всего один раз в неделю. Это все, о чем я прошу. Один вечер, когда мы ужинаем все вместе, ты читаешь своей дочери сказку на ночь и мы притворяемся, что у нас нормальная, счастливая семья.

Это больно задело. Именно этого она и добивалась.

Конечно, он мог бы напомнить, что он собирал Иззи в школу в то утро, поскольку Дженни нужно было спешить на встречу с клиентом. Это он успокаивал их дочь и заклеивал пластырем царапину на подбородке, когда их нервный кот из приюта для животных (которого взяла Дженни) поцарапал ее.

Но он промолчал. Потому что они оба знали: это никак не компенсирует все, что он пропустил, все моменты, когда его не было рядом. Дженни отнюдь не была непомерно требовательной. Но когда дело касалось семьи, она очень четко определяла границы. Если ты их нарушал, проходило много времени, прежде чем она позволяла тебе вернуться.

Это была одна из причин, по которой он любил жену: ее истовая преданность их дочери. Мать самого Гейба была более предана дешевой водке, и он никогда не знал, кто его отец. Гейб поклялся, что будет другим, что всегда будет рядом со своей маленькой девочкой.

И тем не менее сейчас он застрял на этой автостраде и вот-вот опоздает. Снова. Дженни не простит его. Не в этот раз. Ему не хотелось думать о том, что это означает.

Он пытался позвонить ей, но все звонки шли на автоответчик. А теперь в его телефоне оставалось меньше одного процента заряда, а значит, батарея могла сдохнуть в любой момент. И, как водится, именно сегодня он оставил зарядку

дома. Все, что он мог делать, — это сидеть, сердито постукивая пальцами по рулю и глядя на чертова любителя наклеек перед собой, а также бороться с желанием нажать ногой педаль газа и оттолкнуть с дороги все машины, стоящие впереди.

Многие наклейки выглядели старыми. Выцветшими и сморщенными. Да и сама машина казалась древней. Старый «Форд Кортина» или что-то подобное. Выкрашенная в цвет, который был так популярен в семидесятых — своего рода тусклое золото. Заплесневелый банан. Цвет грязного заката. Умиряющего солнца.

Из дребезжащей выхлопной трубы периодически вылетали клубы грязно-серого дыма. Весь бампер пестрел пятнами ржавчины. Знака производителя не было видно. Возможно, тот отпал вместе с половиной номерного знака. Остались только буквы «Т» и «N» и часть цифры — то ли восьмерки, то ли шестерки. Гейб нахмурился. Кажется, это противозаконно. Возможно, эта чертова тарантайка не пригодна для езды по дорогам, даже не застрахована и водитель не имеет прав. Лучше держаться от нее подальше.

Он как раз подумал о том, чтобы перестроиться в другой ряд, когда в заднем окне, обрамленном отклеивающимися стикерами, появилось лицо девочки лет пяти-шести. Круглое, розовощекое личико. Светлые волосенки стянуты в две тоненькие косички.

Первой его мыслью было, что ребенок должен быть пристегнут к автокреслу.

Его вторая мысль была: *Иzzi*.

Девчушка уставилась на него. Ее глаза расширились. Она открыла рот, стало заметно, что впереди не хватает одного зуба. Он помнил, как завернул выпавший зубик в бумажную салфетку и сунул его под подушку для зубной феи.

Она произнесла: «Папочка!»

Затем появилась рука водителя, он дернул девочку за предплечье, усаживая вниз. Ребенок скрылся из виду. Исчез. Пропал.

Он уставился на пустое окно.

Иzzi.

Невозможно.

Его дочь дома со своей мамой. Наверное, смотрит канал Диснея, пока Дженни готовит ужин. Она не могла находиться на заднем сиденье, даже не пристегнутая к детскому автокреслу, в какой-то незнакомой странной машине, которая едет бог знает куда.

Наклейки не позволяли разглядеть водителя. Гейб едва видел его макушку над надписью: «Жми на клаксон, если не-возмогу». Черт подери! Он действительно посигналил. Потом помигал фарами. Машина, казалось, чуть ускорилаь. Впереди заканчивались дорожные работы, а знаки, предписывающие двигаться со скоростью до 50 миль в час, сменились на общенациональные ограничения скорости.

Иzzi. Он надавил на газ. Это был новый «Рендж Ровер». Он летел как птица. И все же старое разбитое ржавое корыто впереди удалялось от него. Он нажал на педаль сильнее, наблюдая за тем, как стрелка спидометра приближается к семидесяти, семидесяти пяти, восьмидесяти пяти. Он сокращал расстояние между ними, но передняя машина вдруг вильнула в средний ряд и обогнала сразу несколько автомобилей. Гейб последовал за ней, подрезав какую-то фуру. Рев сигнала почти оглушил его. Ему казалось, что еще немного, и сердце выскочит из груди, как в чертовом ужастике «Чужой».

Машина впереди опасно маневрировала, перестраиваясь из ряда в ряд. «Рендж Ровер» Гейба оказался зажатым «Фордом Фокус» с одной стороны и «тойотой» впереди. Черт подери! Он посмотрел в зеркало, перестроился в крайний правый ряд и снова вильнул во второй ряд перед «тойотой». В то же самое время какой-то джип перестроился туда же с третьей полосы, чуть не задев капот машины Гейба. Тот нажал на тормоза. Водитель джипа мигнул аварийкой и показал ему средний палец.

— Себе его засунь, чертов идиот!

Ржавое корыто двигалось на несколько машин впереди и по-прежнему рыскало, перестраиваясь с одной полосы на другую, его задние огни исчезали вдаль. Гейб не мог за ним угнаться. Это было слишком опасно.

Кроме того, он пытался убедить самого себя в том, что, скорее всего, ошибся. Наверняка! Это не могла быть Иззи. Невозможно! С какой стати ей быть в этой машине? Он просто устал, разнервничался.

Было темно. Должно быть, это какая-то другая маленькая девочка, похожая на Иззи. *Очень похожая на Иззи.* Маленькая девочка с такими же светлыми волосами в косичках, с такой же дыркой между передними зубами. *Маленькая девочка, которая назвала его «папочка».*

Впереди вспыхнул знак: СТАНЦИЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ ½ МИЛИ. Он мог заехать, позвонить, успокоиться. Но он уже опаздывал, поэтому необходимо было ехать дальше. С другой стороны, эти несколько минут уже ничего не решали. Мимо проплывал поворот на станцию. Свернуть к обочине? Ехать дальше? Притормозить? *Иззи.* В последнюю минуту он вывернул руль влево, пересек предупреждающую разметку, провоцируя все новые сигналы клаксонов. Он нажал на газ, свернув на дорогу к станции техобслуживания.

Гейб почти никогда не останавливался на станциях технического обслуживания. Подобные места действовали на него угнетающе — тут было полно несчастных людей, которые на самом деле хотели быть где-то совсем в другом месте.

Он потратил драгоценные минуты в поисках таксофона, бегая вверх и вниз, проходя мимо различных точек питания, пока в конце концов не нашел его в закутке возле туалетов. Только один. Никто больше не пользовался таксофонами. Он потратил еще несколько минут на поиски мелочи, прежде чем понял, что можно использовать карту. Потом достал дебетовую карту из кошелька, сунул ее в прорезь таксофона и позвонил домой.

Обычно Дженни не отвечала на первый звонок. Она всегда была занята, всегда что-то делала с Иззи. Как-то она ска-